

достаточно, на наш взгляд, чтобы отнести рассматриваемую сферу общения в современном социуме к числу наиболее перспективных для пополнения лексикона новыми номинативными единицами, в том числе фразеологического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Капанадзе, Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капанадзе // Жизнь языка: сборник к 80-летию М. В. Панова. – М.: ЯСК, 2001. – С. 246–255.

2 Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – 96 с.

3 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2003. – 944 с.

УДК [81'373:398.9]:27-277.2:81'364

А. Ю. Крохмальник

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ*: БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

*В статье анализируются примеры употребления фразеологизма **поцелуй Иуды** в библейских и художественных контекстах, описываются способы трансформации данной фраземы в текстах небиблейского содержания. Выявляются функциональные особенности рассматриваемого фразеологизма в дореволюционных, советских и современных текстах.*

По словам К. Каутского, «*Поцелуй Иуды* – сюжет, придуманный евангелистами и невозможный в действительности» [1, с. 18]. Между тем данный образ получил широкое освещение не только в библейских контекстах, но и во многих литературных произведениях. Интересно также, что, например, в традициях сицилийской мафии «*поцелуй босса* означает, что целуемому осталось жить очень недолго» [2, с. 766]. По восточному обычаю «при встрече друзья-мужчины приветствуют друг друга поцелуем в щеку» [3, с. 55], а К. Душенко в «Словаре современных цитат» отмечает ассоциативную связь между словосочетаниями *поцелуй Иуды* и *поцелуй смерти* [4, с. 436]. Как известно, поцелуй Иуды является одним из испытаний, выпавших на долю Иисуса Христа: *Готовы ли вы погрузиться в тот ужас, который будет ужасом Моей судьбы: предательство, поцелуй Иуды, бегство апостолов, одиночество, незаконный суд, лжесвидетельство и, наконец, осуждение на смерть, и путь на Голгофу под тяжестью креста, на котором Мне надлежит быть распяту и умереть?* (митрополит Антоний (Блум). Прости им, Отче!). Фактически Иисус Христос был предан еще до его распятия, а «братский» поцелуй Иуды послужил лишь закреплением этого предательства.

При передаче в художественном тексте кинесическое речение *поцелуй Иуды* отражено в различных словосочетаниях, зачастую репрезентирующих не столько невербальный коммуникативный акт, сколько его смысл, значение. Например, в одном из отрывков синоидального библейского перевода трижды употребляются лексемы со значением *поцелуя*: *Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?* (Евангелие от Луки: синодальный перевод).

Как видим, контекстуальное употребление слов *поцеловать* и *целование* передает ритуально значимые действия при помощи поцелуя. С одной стороны, поцелуй является опознавательным знаком и передается при помощи сложноподчиненного предложения (*Кого я поцелую, Тот и есть*), а с другой стороны, Иудин поцелуй символизирует предательство и передается при помощи словосочетания с зависимым компонентом в форме творительного падежа с инструментальным значением (*целованием ли предаешь Сына Человеческого?*).

Практически дословно данный фрагмент Библии воспроизводится и в одном из художественных текстов: – *Так вот об Иуде. – О! Вот это очень интересно! я ведь знаю только то, что он предатель и вот говорят ещё «поцелуй Иуды». Это что же, он подал такой знак при обыске и аресте? – совершенно точно, Согласно Матфею он сказал воинам так: «Кого поцелую, тот он и есть. Возьмите его»* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Несколько иначе воссоздается предательство Христа Иудой в тексте Л. Н. Толстого: *Тот, кто выдал его, уговорился с ними вперед, он им сказал: когда я поцелую, как пойду, то это он самый, и хватайте его. И тотчас же, подойдя к Иисусу, сказал: здорово, учитель, и поцеловал его* (Л. Н. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий). В данном случае глагол *поцеловать* символизирует опознавательный знак и следующее за ним действие. В тексте Л. Н. Толстого довольно точно показана двуличность Иуды: с одной стороны, сложноподчиненное предложение с придаточной времени отражает последовательность действий, необходимых для поимки Иисуса, а последовательность однородных сказуемых (*сказал и поцеловал*) передает значимое для обеих сторон действие. Рассмотрение поцелуя Иуды лишь как предательства отражено в тексте А. П. Чехова: *Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям* (А. П. Чехов. Студент).

В романе «Иуда Искариот» запечатлен сам момент поцелуя. При этом, по всей видимости, он изолирован от библейского контекста и времени и подан как эстетическое целое: *Вытянувшись в сотню громко звенящих, рыдающих струн, он быстро рванулся к Иисусу и нежно поцеловал его холодную щеку. Так тихо, так нежно, с такой мучительной любовью и тоской, что, будь Иисус цветком на тоненьком стебельке, он не колыхнул бы его этим поцелуем и жемчужной росы не сронил бы с чистых лепестков* (Л. Н. Андреев. Иуда Искариот). При помощи наречия *нежно* и парцелированной конструкции передается моментный, недолговечный характер прикосновения. Как видим из контекста, не исключено, что уже во время поцелуя Иуда раскаивался в своем поступке.

В ряде контекстов *поцелуй Иуды* репрезентируется как *иудин поцелуй* и переосмысливается с точки зрения современных реалий. Очевидно, что словосочетания *поцелуй Иуды* и *иудин поцелуй* являются неравнозначными. Если в первом случае прослеживается явная связь с библейскими событиями либо действие героя чем-то напоминает действия Иуды, то во втором случае наблюдается лишь определенное соотнесение с библейским контекстом: – *Невеста из сдобного теста, жених – на свободе псих... Регистрация, цветы, кольца, тещин иудин поцелуй, прочая фигня... Ну, пьянка, естественно, застолье как в период застоя... Свидетели наставляют в добродетели... Тамада над столами реет...* (А. Иванов. Географ глобус пропил). Как видим, действие тещи на свадьбе является фальшивым и неискренним, лишенным внутренней радости и ритуально обусловленным.

Комментарий к «иудину» поцелую может быть приведен прямо в контексте: *Тут господину Голядкину-старшему показалось, что вероломный друг его улыбается, что бегло и плутовски мигнул всей окружавшей их толпе, что есть что-то злое в лице неблагопристойного господина Голядкина-младшего, что даже он отпустил гримасу какую-то в минуту иудина своего поцелуя... В голове зазвонило у господина Голядкина, в глазах потемнело; ему показалось, что бездна, целая вереница совершенно подобных Голядкиных с шумом вламываются во все двери комна-*

ты; но было поздно... Звонкий предательский поцелуй раздался, и... Тут случилось совсем неожиданное обстоятельство... (Ф. М. Достоевский. Двойник). Помимо определения предательский в контексте.

В текстах дореволюционного времени словосочетание иудин поцелуй используется, по всей видимости, для обозначения предательского действия в целом: *Пришлось пережить самое, самое отвратительное, что только может испытать революционер: **Иудины поцелуи** и объятия агентов, которые, пользуясь моей беспомощностью и тем, что повязка лишила меня зрения, являлись ко мне под нейтральным флагом медицины и, как голодные волки, ходили вокруг меня* (Б. В. Савинков (В. Ропшин). Воспоминания террориста). Следует отметить, что агенты в данном случае в чем-то напоминают Иуду, так как, представляя перед героем контекста в одном облике, они фактически действуют исключительно в своих целях и интересах.

Аналогичное значение носит поцелуй Иуды в текстах довоенного советского времени, где словосочетание иудин поцелуй могло относиться к потенциальным предателям: *Я старался его рассеять, но и у меня было невесело на душе... Затем он уехал в Москву. Я, конечно, провожал его на вокзал. Был и Литвинов, **полезший к нему со своими иудинскими поцелуями**. Прощаясь со мной и отойдя немного от Литвинова, Красин, целуя меня, шепотом, тревожно спросил меня еще раз: «Так ты думаешь, не арестуют?» (Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей). Возможное предательское значение поцелуя обозначено в последнем предложении контекста, где персонаж выражает как недоверие к «иудину» поцелую одного из героев (*отойдя немного от Литвинова*), так и опасение за свою безопасность («*Так ты думаешь, не арестуют?*»).*

Словосочетание иудин поцелуй может также относиться к описанию межличностных отношений: *Трнев улыбнулся. Это была кривая улыбка нежности, скуки и недоверия. Он знал, что это примирение ненадолго, ему надоели эти вечные примирения. «Сначала расстроит, измучает, а потом целует... **иудины поцелуи!**» – подумал он. Она снизу посмотрела ему в глаза, потом взглянула на голубую ямочку на сгибе своей полной розовой руки и опять на его глаза и губы* (М. П. Арцыбашев. У последней черты). Очевидно, что «иудин поцелуй» может являться обозначением переменчивого женского характера и женской «игры» во время любовных отношений. В данном контексте практически отсутствует связь с библейской историей, и «иудин» поцелуй понимается в самом широком смысле, т. е. как воплощение неискренности, нечестности, обмана.

Будучи связанным с любовными отношениями, «иудин поцелуй» может представлять не элементом любовной игры, а временным притворством: *Граф притворился, будто разнежился до слез, и, трепеща, чтобы его не подслушали, дал **Иудин поцелуй примирения** обманутой итальянке. Все, все обещал он: развестись с первой женою, признать ее, любить верно и горячо, и между тем как Бианка всему верила (влюбленное сердце так доверчиво), он вращал в голове кровавые замыслы: сжить с рук опасного свидетеля и увядающую, постылую любовницу* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году).

Наконец, поцелуй Иуды участвует в создании образа «чужого» общества, что передается при помощи противопоставлений: *В какой свет, в какое общество сбросил ты княгиню? Отныне в каждом поклоне будет она видеть обиду, в каждой улыбке – насмешку, в родном поцелуе – **лобзанье Иудино**; везде будут казаться ей качание головою, и перемигивание, и лукавый шепот; самый невинный разговор будет колоть ее шипами, самую дружескую откровенность вообразит она вызнаваньем, вся жизнь ее будет горечь сомненья, и подавленные вздохи, и слезы, снедаемые сердцем!..» (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»).*

Таким образом, словосочетания поцелуй Иуды и иудин поцелуй являются несколько разными по своей семантике: если поцелуй Иуды отсылает напрямую к библейскому контексту, то иудин поцелуй указывает лишь на определенное сходство с текстом

Евангелия. Обычно в подобных случаях иудин поцелуй символизирует лицемерие. Библейский сюжет воссоздается как в религиозных, так и в художественных текстах с разной степенью полноты и выразительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Четина, Е. М. Евангельские образы, сюжеты, мотивы в художественной культуре: проблемы интерпретации / Е. М. Четина. – М., «Флинта», 1998. – 101 с.

2 Еремеев, Ф. А. Энциклопедия читателя: литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии. Т. 4 (Н-П) / Ф. А. Еремеев. – Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 1999. – 927 с.

3 Верещагин, Е. М. Христианская книжность Древней Руси. Серия «Литературоведение и языкознание» / Е. М. Верещагин, О. Н. Трубачев, Общество любителей российской словесности, под общ. ред. О. Н. Трубачева. – М., Наука, 1996. – 207 с.

4 Душенко, К. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы / К. Душенко. – М., ЭКСМО, 2006. – 830 с.

УДК 81'373.233:398.9

А. С. Лашкевич

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В СОСТАВЕ СТАТУСНЫХ ЕДИНИЦ

В статье рассматриваются фразеологические единицы, использующиеся в роли статусных единиц, применяемых в молодежном интернет-общении. Отмечаются наиболее распространенные способы фразеологической трансформации статусных единиц: дефразеологизация и субституция компонентов фразеологизмов.

В связи со стремительным развитием компьютерных технологий и интернета наряду с классическими функциональными стилями речи формируется новый стиль – компьютерный, который используют участники интернет-общения в социальных сетях, чатах и различных программах. Одной из тематических групп лексики, специфической для компьютерного стиля, являются так называемые статусные единицы – неотъемлемая составляющая социальных сетей.

При анализе статусных единиц термин *статус* нельзя рассматривать в его прямом значении. В компьютерном стиле *статусом* называется иконка и текст к ней, которые видят общающиеся с вами ваши собеседники. Такое переносное значение слова *статус* вполне закономерно, поскольку оно отражает универсальный закон языковой экономии, заключающийся в употреблении уже известного слова для обозначения нового явления.

Достаточно часто в качестве статусных единиц используются фразеологизмы и различные устойчивые сочетания, подвергшиеся всевозможным трансформациям. Наиболее распространёнными явлениями стали дефразеологизация (разрушение, аллюзия, распад) и субституция компонентов.

Дефразеологизация – это «явление, при котором фразеологизм, в результате возникновения новых самостоятельных значений в его компонентах утрачивает основной признак фразеологичности». При данном процессе наблюдается утрата постоянных признаков фразеологизма, т. е. устойчивости и общеизвестности. Дефразеологизация неизбежно ведёт к распаду фразеологического оборота.

В данных статусных единицах фразеологические сочетания, оказавшись в подходящем для запуска процесса дефразеологизации контекстном окружении, приобретают